

ЗАПИСКИ  
ИНСТИТУТА  
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ  
АКАДЕМИИ НАУК  
СССР

VII

Издательство Академии Наук СССР

Москва · 1939 · Ленинград

Н. Н. ПОПЕ

## Современное состояние изучения монгольской литературы за границей

### I

Современное монголоведение характеризуется ярко выраженным лингвистическим уклоном этой отрасли востоковедения, и наиболее крупные достижения его относятся именно к области изучения разговорного монгольского языка и исследования языка монгольской письменности. Так обстоит дело в СССР и за пределами его. Лингвистические работы являются в монголоведной литературе наиболее многочисленными и в смысле метода стоят в общем и целом значительно выше исследований в других монголоведных областях, из которых одною из наиболее отсталых является изучение монгольской литературы.

История изучения монгольской литературы не богата фактами и именами. Изучение ее сводилось в прошлом в основном к собиранию произведений монгольской литературы и публикации текстов. Исследований произведений монгольской литературы с иных точек зрения, кроме как только с лингвистической, мы почти не имеем. Литературоведные проблемы до сих пор выдвигались лишь в качестве редчайших исключений, и не будет преувеличением, если мы скажем, что монгольская литература в широком смысле этого слова находится еще на начальной стадии изучения.

В прошлом своем монголоведение знает отдельные случаи, когда те или иные исследователи близко подходили к изучению монгольской литературы, но именно только близко подходили, не дав ни одного исследования, которое полностью могло бы удовлетворить литературоведа. В этом отношении не представляет собою исключения даже такая выдающаяся работа, как «Монгольский сборник рассказов из Raicatanttra» Б. Я. Владимирцова, которая, казалось бы, по теме своей всецело должна была бы относиться к литературоведным произведениям. Но и она представляет собою лишь издание текста с переводом, а в исследовательской своей части касается

главным образом вопроса о периодах развития языка монгольской письменности и особенностях языка разных периодов в сравнении с классическим. Не меняет общего положения и наличие нескольких исследований в области монгольского фольклора, которому, по сравнению с другими областями, после монгольского языкознания особенно посчастливилось стать объектом пристального внимания со стороны собирателей, а также исследователей, уже сделавших несколько попыток дать анализ произведений устного творчества монголов. Повторяем, наличие в монголоведной литературе таких трудов, как «Образцы народной литературы монгольских племен» А. Позднеева и «Монголо-ойратский героический эпос» Б. Я. Владимирцова, существенно не меняет положения вещей, ибо, относясь к довольно специфической области фольклора, эти работы имеют лишь косвенное отношение к изучению монгольской литературы, несмотря на то, что письменную литературу и устное творчество соединяют разнообразные связи.

Исследований произведений письменной литературы иных, чем носящих строго лингвистический характер и вообще относящихся лишь к внешней стороне их, — критика текстов, филологический аппарат и т. п., мы в монголоведении не имеем.

Точно так же лишь в чрезвычайно слабой степени расчищено и подготовлено поле будущей деятельности монголистов-литературоведов. Говоря об этой стороне дела, следует прежде всего указать на то обстоятельство, что значительное большинство произведений на монгольском языке еще даже не выявлено и не приведено в известность. Монгольскую литературу еще мало знают, и те произведения ее, которые известны, сравнительно малочисленны, а сведения о них носят весьма неполный и случайный характер.

Дело собирания и хранения, каталогизация и описание литературных произведений на монгольском языке поставлены еще очень слабо. Отсутствие напечатанных каталогов и случайный характер описаний лишь некоторых и притом отнюдь не всегда лучших коллекций монгольских рукописей и ксилографов не способствуют успеху дела и не позволяют заменить многие уже устаревшие взгляды на монгольскую литературу более правильными. Существующие обзоры памятников монгольской литературы — «Лекции по истории монгольской литературы» А. Позднеева и «Очерк монгольской литературы» Б. Лауфера — очень далеки от полноты, с одной стороны, и представляют собою не столько обзоры произведений монгольской литературы, сколько библиографии европейской литературы о них, с другой. Неполнота их объясняется не только общей неудовлетворительностью сведений о произведениях монгольской литературы, но также

тем, что они ставят себе безусловно слишком широкие цели охватить всю литературу в целом. Отсюда фрагментарность, неполнота сообщаемых сведений о каждом данном виде литературы. В этом отношении значительно более удачным является очерк «Монгольская литература» Б. Я. Владимирцова,<sup>1</sup> в котором главное внимание уделяется одному виду литературы, а именно художественной литературе.

Вслед за неудовлетворительным состоянием учета произведений монгольской литературы, почти полным отсутствием каталогов и описаний, следует среди причин, тормозящих развитие изучения монгольской литературы, отметить незначительность изданий текстов и почти полное отсутствие таких изданий их, которые удовлетворяли бы современным требованиям, предъявляемым к критическим изданиям текстов.

Основным тормозом в деле успешного развития изучения монгольской литературы является, таким образом, неподготовленность почвы для исследовательской работы.

Обрисованное выше положение характерно для изучения монгольской литературы и в СССР и в еще большей степени за границей, где, кроме Монголии, условия для процветания монголоведных изысканий значительно менее благоприятны. Тем не менее, изучение монгольской литературы велось и за границей и теперь еще продолжает вестись. По понятным после сказанного причинам оно ведется преимущественно в рамках учета и описания рукописей и книг и издания текстов.

## II

Приступая к рассмотрению иностранных работ в области изучения монгольской литературы за последние 5 лет, начнем с описаний рукописей и ксилографов. К этой категории работ принадлежит статья Louis Ligeti «La collection mongole Schilling von Canstadt à la Bibliothèque de l'Institut»,<sup>2</sup> представляющая собою, как показывает ее заглавие, описание произведений, входящих в коллекцию Шиллинга фон-Канштадта, находящуюся в Париже. Коллекция эта, состоящая главным образом из ксилографов и содержащая лишь несколько рукописей, при сличении списка заглавий входящих в нее произведений, не содержит чего-либо нового по сравнению с коллекцией того же Шиллинга фон-Канштадта, хранящейся в Институте Востоковедения Академии Наук СССР.

<sup>1</sup> Литература востока, вып. II, Петербург, 1920, стр. 90 и сл.

<sup>2</sup> T'oung Pao, 1920, pp. 119—173.

Сообщая подробности об этом описании, необходимо указать, что оно отличается значительной полнотой и подробностью сообщаемых в нем сведений: кроме монгольских заглавий описываемых сочинений, сообщаются тибетские и санскритские заглавия, даются все необходимые сведения о внешней стороне книг, приводятся колофоны с упоминаемыми в них именами и датами и т. д.

В особенности удачным является метод описания крупных сборных сочинений, как, напр., описание Сундуя (стр. 134 и сл.), в котором довольно подробно говорится о каждом отделе. Автором привлекается большой дополнительный материал — китайский и тибетский, разъясняющий ряд вопросов, связанных с переводом тех или иных произведений. Все монгольские названия и отрывки текстов приводятся в общепринятой монголоведческой транскрипции. Описание сделано очень хорошо и может служить образчиком для других подобных работ; в частности кое-что из него можно будет с успехом заимствовать, когда будет предпринято полное описание монгольских ксилографов и рукописей, принадлежащих советским восточным библиотекам и хранилищам рукописей. Из мелких недочетов, не отражающихся на существе работы, следует указать не совсем правильную передачу некоторых монгольских слов в транскрипции; так, напр.: на стр. 125 в нижнем абзаце приводится заглавие тибетско-монгольского словаря *nere udq-a-yi tutudqayçi* (неправильно, следует *todudqayçi* 'разъясняющий') *saran-u gegen gerel kemegdekü tokijan biçig*. На стр. 127 слово *delgerenggüi-e* 'пространно' неправильно передается как *delgerengküi-e*. На стр. 130 (строка 7) вм. *quriyan* 'собирая' автор пишет *qoriyan*; вм. *ayüi* 'обширный' (строка 8) — *aqui*; вм. *tuγulurysan* 'совершенный' (эпитет будды, строка 18) — *toγulurysan* и там же вм. *dötügertür* 'в четвертых' — *dütügertür* и т. д. Снижая несколько общее качество работы, эти недочеты все же не настолько серьезны, чтобы на почве их могли возникнуть какие-нибудь недоразумения. В связи с этим укажем, что подобного рода недостатки присущи большинству работ, в которых монгольские слова приводятся только в транскрипции, так как для того, чтобы дать правильную транскрипцию слова, необходимо точное знание его произношения, а это, особенно в Западной Европе, имеет место далеко не всегда.

Следующей работой, частично примыкающей к названной, является отчет Louis Ligeti об экспедиции во Внутреннюю Монголию.<sup>1</sup> Эта интерес-

<sup>1</sup> Rapport préliminaire d'un voyage d'exploration fait en Mongolie Chinoise 1928—1931. Budapest, 1933. Рецензии: N. Poppe, OLZ, 1934, № 3, pp. 193—194 и его же: Библиография Востока, № 5—6, стр. 98—100.

ная и ценная работа по своему общему типу напоминает аналогичную замечательную работу Б. Я. Владимирцова «Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районе»<sup>1</sup> и, как последняя, отличается высокими достоинствами. Сведения о различных произведениях на монгольском языке, виденных автором на месте и вывезенных в Европу, сообщаются, начиная с 20-й страницы, почти на протяжении всего отчета.

Свой отчет о занятиях в области изучения монгольской литературы Louis Ligeti начинает с описания исторических произведений, из которых на первом месте им упоминается *Boγda činggis qayan-u čedig*, теперь уже хорошо известное сочинение, представляющее собою не что иное, как летопись *Altan tobči*, к которой приложен ряд мелких эпических сочинений, после чего автор переходит к *Yeke Yuwan ulus-un manduγsan törü-yin köke sudur* «Синяя книга о поднявшейся державе великой Юаньской династии» (стр. 22—24). Далее сообщается (на стр. 22) о виденной автором отчета в Куку-хото рукописи исторического сочинения *Qayan-u šira debter*, два экземпляра которого имеются в Ленинградских книгохранилищах. Кроме исторических сочинений Louis Ligeti уделяет в своем отчете много внимания монгольско-китайским словарям и другим пособиям для изучения монгольского языка (стр. 44 и сл.), и им сообщаются также сведения об его занятиях Ганджуром и отдельными буддийскими сочинениями. Особенно ценными приобретениями Louis Ligeti несомненно являются рукописи *Pañcarakṣā* и *Subhāṣitaratnanidhi* (стр. 58—59).

### III

Следующую категорию работ в области изучения монгольской литературы образуют издания текстов. В силу отсутствия в типографиях Западной Европы монгольских шрифтов, тексты издаются в транскрипции. По поводу этого следует указать, что текст, изданный в транскрипции или транслитерации, даже при очень большом знании языка со стороны подготовившего его к печати, неизбежно страдает большими недостатками. Прежде всего, транскрипция или транслитерация неспособны воспроизвести текст в полном соответствии с подлинником: издавая текст в транслитерации, мы лишены возможности отмечать наличие или отсутствие диакритических точек при знаках алфавита и т. д., в результате чего многие особенности рукописи, порою даже имеющие принципиальное значение, пропадают. Издания текстов в транскрипции для палеографии, для истории письма, для изуче-

<sup>1</sup> Северная Монголия, П, Л., 1927, стр. 1 и сл.

ния почерков и т. д. не представляют собою никакой ценности, а в силу того, что порою то или иное слово может быть прочтено по-разному, транскрибируя его одним способом, мы устраняем всякую возможность прочесть его иначе, чем это делаем мы. Это — один недостаток. Другой недостаток таких изданий вытекает из недостаточного знания языка. Дело в том, что, принимая издание того или иного текста не знаками алфавита оригинала, а в транскрипции, исследователь обязуется дать безусловно правильное чтение текста.

Известно однако, что разнообразие фонетических значений того или иного знака монгольского алфавита не всегда дает возможность абсолютно правильно прочесть и транскрибировать то или иное слово даже лицам, прекрасно владеющим языком. Наибольшие трудности, как известно, доставляет вопрос о том, когда писать *ö* и когда *й*, в каких случаях *о* и в каких случаях *и*. Редкие и мало засвидетельствованные слова могут быть поэтому прочтены по-разному и притом без гарантии в правильности своего чтения даже крупными специалистами своего дела. Естественно, что в Западной Европе, где монголоведение вообще значительно слабее, чем в СССР, и где отсутствует, как правило, практическое владение языком (единственное, что дает возможность правильно читать по-монгольски), на этот счет особенно неблагоприятно. От недостатков этого рода не свободны даже прекрасные в остальных отношениях вышеназванные работы Louis Ligeti.

Из изданий текстов укажем в первую очередь издание ойратской версии «Сутры золотого блеска», опубликованное проф. Е. Haenisch'ом.<sup>1</sup> В свое время в рецензии на это издание мы указали на ряд технических недочетов этой работы, из которых наиболее существенным является непоследовательность транскрипции: *и* передается знаком *ts*, *з* — знаком *ds*, *ч* — знаком *c* (почему не *tš*, раз *и* передается знаком *ts*?). Неисправленные описки подлинника, воспроизведенные в транскрипционном издании текста, сильно мешают пониманию, как, напр., *ökhüksen* 'давший' (стр. 5) вм. *ögüqsen*. Особенно большие сомнения вызывают имена собственные, передаваемые в подлиннике знаками галика, для которых в латинской транскрипции, используемой проф. Е. Haenisch'ом, эквивалентов нет.

Такое же издание буддийского текста в транскрипции представляет собою работа доктора Fr. Weller'a *Brahmajālasūtra*,<sup>2</sup> опубликованная им

<sup>1</sup> Erich Haenisch. Altan Gerel. Die westmongolische Fassung des Goldglanzsūtra. Nach einer Handschrift der Kgl. Bibliothek in Kopenhagen herausgegeben. Leipzig, 1929.

<sup>2</sup> Friedrich Weller. Brahmajālasūtra. Tibetischer und mongolischer Text. Leipzig, 1934.

в связи с другими работами его об этой сутре.<sup>1</sup> Говоря об этом издании монгольского текста сутры *Brahmajāla*, следует сказать, что на достоинствах ее особенно сильно сказывается отсутствие у автора практического знакомства с монгольским языком, вследствие чего очень многие слова им вполне последовательно транскрибируются неправильно. Автор, правда, делает в предисловии оговорку, что он не стремился транскрибировать и что в его намерения входила лишь транслитерация текста, не претендующая на фонетическую точность, все же некоторые ошибки в передаче монгольских слов не могут быть оправданы таким подходом. Так, напр., на стр. 19 (passim) и в других местах слово *möngke* 'вечный' неправильно транскрибируется *müngge*; на стр. 23 (§ 59) слово *olangki* 'большинство' передается как *olanggi*; на той же странице (§ 60) *yegüdkеjü* 'умирая' передается как *yekütkejü*, несмотря на то, что в живой речи этой форме соответствует калмыцкое *jüdәxә* с долготой гласного, ясно указывающей на то, что в соответствующем слове был *g*, а не *k*.

По поводу этого и предыдущего издания текста можно заметить, что общее представление о подлиннике они дают и делают возможным понимание текста и перевод его, но и только. Филологическая ценность их поэтому невелика. И возможно, что первоначальный план доктора Weller'a дать только транслитерацию, для чего каждому знаку монгольского алфавита, независимо от его фонетического значения, был бы приурочен один знак латинского алфавита (монгольские *о* и *и* передавались бы по этой системе всегда только знаком *o*; *т* и *д* всегда только знаком *t* и т. п.), в данном случае был бы более целесообразным.

#### IV

Особое место занимает среди произведений старой монгольской литературы знаменитое «Сокровенное сказание», старейший памятник монгольского героического эпоса, переработанного в целях стать историей дома Чингис-хана, и старейший памятник монгольской литературы вообще. Над приготовлением к печати монгольского текста, переводом и исследованием этого памятника уже много лет трудится акад. Paul Pelliot, опубликовавший до настоящего времени несколько статей, в которых затронуты некоторые вопросы, связанные с изучением этого произведения. Так как эти, до сих пор опубликованные работы его не имеют непосредственного отношения

<sup>1</sup> Über das Brahmajālasūtra. Asia Major, vol. IX, fasc. 2, pp. 195—332; fasc. 3, pp. 381—440.



к изучению «Сокровенного сказания» как литературного памятника, мы на них здесь не останавливаемся.<sup>1</sup>

Большую работу о «Сокровенном сказании» опубликовал проф. Е. Haenisch.<sup>2</sup> В ней разбирается ряд вопросов, связанных с изучением этого произведения. В первой главе, представляющей собою предисловие ко всему труду, дается краткий очерк истории изучения памятника. Во второй главе дается отрывок восстановленного текста, переложенного с китайской иероглифической транскрипции на латинскую. Начало его совпадает с 22-й страницей Позднеевского литографированного издания текста. Третья глава содержит примечания к монгольскому тексту, преимущественно лингвистического характера. В следующей главе дается перевод изданного отрывка. В седьмой главе сообщаются подробности об оригинальном тексте в иероглифической передаче и о подстрочном переводе. Последняя глава посвящена особенностям языка памятника. Только пятая и шестая главы (V — Zum Titel; VI — Sachliches) представляют собою непосредственный интерес для изучающих это произведение со стороны его содержания, как произведение литературное. В первой из них даются разъяснения, касающиеся заглавия. По поводу их укажем, что соображения проф. Haenisch'a о связи слова *tobčiyān* со словом *tobčī* 'пуговица' вызывают большие сомнения. Не разрешен им также вопрос о том, следует ли слово, передаваемое в китайской иероглифической транскрипции как *t'ō ch'a an*, читать как *tobčiyān* или как *tōčā'an*. Между тем, *tōčā'an* является закономерным соответствием письменно-монгольского *toyačayan* = халх. *t'ōcō* 'перечисление' (от глагола *toyača-* 'перечислять'). Во второй из названных здесь глав дается краткий анализ содержания отрывка и указываются различные произведения, имеющие отношение к предмету исследования. Среди них упоминается со слов акад. Pelliot рукопись одного исторического сочинения, которое содержит в себе почти половину всего «Сокровенного сказания». В настоящее время нам известно, что это — одна из версий летописи *Altan tobčī*, действительно содержащая множество отрывков из «Сокровенного сказания».

Кроме этой работы о «Сокровенном сказании» мы имеем в настоящее время еще полное издание монгольского текста его, выпущенное в свет

<sup>1</sup> См.: A propos des Comans. Journal Asiatique, 1920, Avril—Juin, pp. 125—185; Notes sur le «Turkestan» de M. W. Barthold. T'oung Pao, 1930, 12—56; Un passage altéré dans le texte mongol ancien de l' Histoire Secrète des Mongols. T'oung Pao, 1930, p. 199—202.

<sup>2</sup> Erich Haenisch. Untersuchungen über das Yüan ch'ao pi-shi, die geheime Geschichte der Mongolen. Des XLI Bandes der Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der Sächsischen Akademie der Wissenschaften № IV, Leipzig, 1931.

тем же автором.<sup>1</sup> Эта работа представляет собою только издание текста и перевода не имеет. Общий характер ее ясно показывает, что автор не учел ни одного замечания рецензентов, обнаруживших многочисленные погрешности в первой из названных работ. Транскрипция, применяемая в этом новом издании, представляет собою нечто среднее между транскрипцией китайских иероглифов и научной монголоведной транскрипцией, и монгольские слова транскрибируются так, что не понять, хотел ли автор ограничиться одним лишь переложением иероглифов на латинский алфавит или дать транскрипцию монгольского текста, представив текст в том виде, как он действительно читался. Как показывает дальше произведенное проф. Haenisch'ом разделение предложений и абзацев, автор большей части текста не понял.

Таким образом можно констатировать, что первые опыты издания текста «Сокровенного сказания» безусловно неудачны. Задачей монголоведения попрежнему остается изучение этого замечательного произведения и подготовка, в первую очередь, доброкачественного издания текста.

Институтом Востоковедения Академии Наук СССР подготовка нового издания уже предпринята, и надо надеяться, что работа, выполненная С. А. Козиным, явится большим шагом вперед.

## V

Каких-либо литературоведных проблем вышеназванные работы в своем большинстве не ставят и разрешить их не пытаются. Они представляют собою лишь описания рукописей и ксилографов и простые издания текстов, причем издания довольно примитивные и, кроме первой работы проф. Haenisch'a о «Сокровенном сказании», лишенные комментариев и филологического аппарата.

Давая общую оценку этим работам, являющимся лишь подсобным материалом для изысканий в области монгольской литературы, можно сказать, что наилучшими из них являются описания рукописей и ксилографов, что остальные представляют собою лишь самые первоначальные опыты, не удовлетворяющие даже скромным требованиям современной техники издания текстов и филологического комментирования их.

Неудовлетворительный характер носят и примечания к тексту «Сокровенного сказания». Их немного, и малочисленность их объясняется

<sup>1</sup> *Manghol un niuca tobca'an (Yüan-ch'ao pi-shi). Die geheime Geschichte der Mongolen. Von Erich Haenisch, Leipzig, 1937.*

безусловно тем, что автор, недостаточно знакомый с особенностями древнего языка, не имел критерия в вопросе о том, что принадлежит к наиболее интересным особенностям языка памятника.

Примечания, по существу, ничего не дают. Так, напр., прим. 9 состоит из одного только слова *horilalduju* (в основном тексте *horilalduju*), и читателю предоставляется судить о том, чем эти варианты существенно отличаются друг от друга. Между тем, можно было бы сказать, что *horilalduju* вероятно следует понимать, как *choriyalduju*, ибо от глагольной основы *chori-* образование с отыменным суффиксом *-la-* невозможно.

В прим. 18 говорится «Das Wort ist unbekannt» (относительно *иyeᠭауа*, точнее *иye хауа*). Слово это известно и состоит из *иye* 'поколение' и *хауа* 'родня' (дальняя); отсюда образованы слова *иyegeᠯi* «племянник», а в словаре Голстунского дается *иyelid* «двоюродные братья» и *хауалид* «сын двоюродного брата».

К прим. 19, n° 3, следует добавить, что *sa'ul-* «сажать» является интересной формой побудительного глагола от *сату-* «сидеть» и что в памятниках XIII в. вместо суффикса *-γul-* употребляется суффикс *-l-*, формы с которым засвидетельствованы во многих старых рукописях, и т. д.

Фактически примечания ничего не объясняют и могут служить вспомогательным средством для перевода лишь в весьма небольшой мере.

## VI

Остается подвести некоторые итоги результатам изучения монгольской литературы за границей. Как видно, большинство работ, произведенных за последнее время, носит попрежнему характер лишь вспомогательных для подлинного исследования работ. Это — описания рукописей и ксилографов и издания текстов. Если описания рукописей и ксилографов, вышедшие в свет за последние годы, не оставляют желать много лучшего и представляют собою в целом вполне доброкачественные работы, то этого нельзя сказать про издания текстов, ибо они страдают очень большими дефектами, объясняющимися недостаточным знанием монгольского языка. В связи с этим следует сделать замечание по поводу того, что в Западной Европе еще не изжит взгляд на монголоведение, как на такую отрасль востоковедения, по отношению к которой позволено все, вплоть до писания работ без знания монгольского языка. Особенно относится это к германской монголистике, в высшей степени невыгодно отличающейся от крепко ставшей на ноги французской.

Исследовательских проблем в области изучения литературы западноевропейское монголоведение не ставит, и изучение литературы носит характер лишь подсобной дисциплины. До сих пор нет даже правильного взгляда на то, чем и в особенности как должно заниматься литературоведение.

Большой подъем в деле изучения всего монгольского наблюдается за последнее время в дружественной нам Монгольской Народной Республике. В течение последних нескольких лет там было сделано очень много в смысле издания различных произведений художественной литературы. Но научных, отвечающих требованиям филологии, изданий текстов мы там еще не видим, и нам известно лишь, что вышло в свет издание одной старой версии летописи *Altan tobči*.

Однако наличие талантливых писателей и поэтов является гарантией того, что в этой области в скором времени кое-что будет достигнуто.

Предпосылок для развертывания исследовательской работы в области изучения монгольской литературы в большинстве зарубежных стран на данном этапе нет: недостаточное, за редкими исключениями, знание монгольского языка в странах Западной Европы, филологическая слабость тамошних работников и немногочисленность национальных научных кадров в Монгольской Народной Республике не дают возможности поднять в настоящий момент работу на более высокую ступень.

Иначе обстоит дело в СССР, где возможности для этого налицо. Существующие богатейшие коллекции рукописей и киелографов представляют собою неисчерпаемый источник для литературных изысканий. Марксистско-ленинский метод советских литературоведов дает возможность нам, — монголистам — учиться у них и применять этот метод на монголоведной практике.

В этом направлении кое-какая работа уже ведется: за последнее время Институтом Востоковедения Академии Наук СССР много сделано в области приведения в порядок рукописных собраний и приступлено к составлению научного каталога монгольских книг. Оживилась издательская деятельность, и уже удалось выпустить в свет несколько филологических изданий исторических текстов.

Подготавливается издание некоторых летописей, как, напр., летописи Саган Сэцэна, и сдан в печать такой крупный труд, как «Сокровенное сказание» С. А. Козина. Наконец, ведется работа в области разрешения некоторых теоретических вопросов, не говоря уже о больших успехах советской монголоведной фольклористики.

В связи с той краткой информацией, которую мы сделали относительно работы Монгольского кабинета, в той или иной мере способствующей углублению наших литературоведных исследований, мы позволим себе коснуться некоторых принципиальных вопросов, имеющих, на наш взгляд, большое значение.

До сих пор зарубежное монголоведение не выработало правильной точки зрения по вопросу о том, что является объектом литературоведения. До настоящего времени не изжита неразбериха в вопросе об отношении литературы к письменности в целом и об отношении литературоведения к изучению литературы в широком смысле этого слова.

На непонимание этого вопроса со стороны<sup>1</sup> прежних монголистов впервые было указано в одной из наших статей,<sup>1</sup> и теперь можно было бы к этому вопросу, как совершенно ясному и бесспорному, больше не возвращаться, если бы он не всплывал все снова и снова. Если мы возьмем «Лекции по истории монгольской литературы» А. Позднеева или «Очерк монгольской литературы» Б. Лауфера, то мы заметим, что авторы этих работ не делают разницы между посланиями ильханов, стэлой Буянту-хана, разными сутрами и тибетско-монгольскими словарями, с одной стороны, и рассказами «Волшебного мертвеца» и «Повестью о Викрамадитья», с другой стороны, хотя первые названные представляют собою образцы дипломатической переписки, эпиграфики, религиозной и филологической литературы, а последние — произведения художественной литературы. Таким образом мы видим, что для прежних монголистов, а теперь для зарубежных монголистов характерно неразличение задач изучения литературы в широком смысле, всей письменности в целом и литературоведения. Это неразличение объясняется непониманием того, что такое литературоведение.

В самом деле, что такое литературоведение?

Как известно, литературоведение — наука, изучающая художественную литературу, хотя: «в течение многих веков под литературой, или еще иначе под „словесностью“ . . ., разумели все памятники устного и письменного творчества человека, в каких бы областях общественной и социальной деятельности и знания оно ни проявлялось. В состав литературы в одинаковой степени включали и сборники древне-русских государственных законов („Русская правда“) и феодальные нормы семейного права и быта („Домострой“), исторические хроники и летописи, политические речи, религиозные проповеди, философские сочинения и мн. др. Но впоследствии,

<sup>1</sup> Проблемы бурят-монгольского литературоведения. Зап. Инст. Востоковед., т. I, стр. 13—14.

по мере усложнения общественной жизни и по мере усложнения порожденных классовыми отношениями идеологических форм, начинается процесс дифференциации идеологий. От общей „словесности“ отделяются те или другие области. Им присваиваются специфические определения: философия, история, право и т. д. и т. п. Термин „словесность“, „литература“ сохраняется преимущественно за художественной литературой. Однако еще совсем недавно буржуазными учеными издавались такие курсы истории литературы, которые, не устанавливая ни точных границ своего предмета, ни его достаточной спецификации, включали в предмет своего ведения памятники, весьма отдаленно касающиеся художественной литературы».<sup>1</sup>

В связи с этим, уместен следующий вопрос: «А как же быть с нехудожественной литературой? Ее не изучать?» Конечно, нет. Ее необходимо изучать, но изучать с иных точек зрения, чем художественную литературу: летописи должны изучаться, но как памятники исторические, философские трактаты должны исследоваться именно как философские труды, и т. д. Конечно, если та или другая летопись содержит в себе отрывки художественных произведений, вроде фрагментов героического эпоса, как, напр., история Саган Сэцэна, летопись *Altan tobči* и т. д., то эти фрагменты подлежат изучению со стороны литературоведа. Все это настолько просто и понятно, что едва ли стоит особенно разъяснять это.

Следующим крупным недостатком немногочисленных высказываний о монгольской литературе является неправильное понимание значения переводной монгольской литературы. Согласно полностью еще неизжитой точке зрения, понимание переводной монгольской литературы возможно лишь в свете истории центрально-азиатской культуры, которая должна явиться важной вспомогательной для изучения монгольской литературы дисциплиной.

В свое время мы выдвинули тезис, что переводная литература для нас — монголистов — представляет собою интерес в том отношении, что изучение ее дает нам ответ на вопрос, с какой целью был сделан тот или иной перевод, чей социальный заказ был призван данный перевод выполнить.<sup>2</sup>

Иначе говоря, мы выдвинули необходимость изучения классовой сущности переводческой деятельности в феодальной Монголии и думаем, что были в этом вопросе совершенно правы, утверждая, что никому ненужного, никому ничего не говорящего произведения не станут переводить. Между тем еще не изжито мнение, что в монгольской литературе имеется много

<sup>1</sup> ЛЭ, т. VI, стр. 402—403.

<sup>2</sup> Проблемы бурят-монгольского литературоведения, стр. 17.

никому ненужных переводов, в частности в составе собрания сочинений Дзонхавы, в ряде крупнейших отделов Данджура, посвященных философии, мистике и дисциплине буддизма.

Мнение это, на первый взгляд безобидное (хотя оно и необоснованное и даже неверное), оказывается, однако, в методологическом отношении весьма порочным. Дело в том, что оно является неизбежным следствием превратного понимания социального заказа в феодальной Монголии, относительно которого высказывалось раньше мнение, что социальный заказ в феодальный период якобы отличается от социальных заказов послефеодальных периодов истории и что основной движущей силой в области переводческой деятельности в феодальной Монголии являлась буддийская теория так называемой «религиозной заслуги» (санскритская *пунья*, монг. *буян*), что всякая переписка или перевод священного текста представляет собою религиозную заслугу независимо от дальнейшей судьбы данного перевода, что манчжурские императоры, вроде Цянь-Луна, довольствовались репутацией «покровителей веры», снисканной ими этого рода добродетельными начинаниями, и о распространении переводов ни в какой мере не заботились.

Нечего и доказывать, что методологически совершенно порочными являются представления о существующей якобы принципиальной разнице между феодальной литературой и литературой послефеодальных периодов в том смысле, что первая из них выполняет предъявляемый к ней ее создателями социальный заказ в меньшей степени, чем призвана выполнять его вторая. Вся история является историей классовой борьбы. «Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что *вся* она, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов, что эти борющиеся общественные классы являются в каждый данный момент результатом отношений в производстве и на транспорте — словом, *экономических* отношений своего времени».<sup>1</sup> Следовательно, вся литература, все искусство, вся наука и т. д. в антагонистических обществах являются классовыми. Каждый класс ставил себе свои задачи и цели, а поэтому наука, литература и искусство на службе у разных общественных классов отражают идеологию каждого данного класса. Отсюда разница в социальном заказе, скажем, литературы феодального общества и пролетариата в период капитализма, но в обоих случаях остается одно и то же, а именно, что социальный заказ этот дается определенным классом. Таким образом любое литературное произведение, как

<sup>1</sup> Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг*. Соч., т. XIV. Соцэкгиз. Москва—Ленинград, 1931, стр. 26.

оригинальное, так и переводное, в классовом обществе всегда выполняет социальный заказ какого-нибудь класса данного общества. Это замечание справедливо и в отношении Данджура, вопреки обратной точке зрения, неправильность которой объясняется полным непониманием классовой сущности теории «религиозной заслуги», как одного из орудий духовного порабощения масс господствующим классом феодальной Монголии. Общеизвестным является ведь, что господствующие классы в период и феодализма и капитализма пользовались религией и ее предписаниями в своих целях для воздействия на массы, в целях отвлечь их от борьбы за их освобождение от эксплуатации и гнета. Сущность теории «религиозной заслуги», как нам кажется, достаточно ясна. Что некоторых переводов никто не читал или не понимал, доказывает лишь, что цель, которую себе ставили благочестивые носители идеи буддийской добродетели, в данном случае не была достигнута. Последнее обстоятельство, однако, ни в коей мере не может служить доказательством того, что, делая перевод, переводчики ничьего социального заказа не выполняли: то, что они руководствовались идеей «религиозной заслуги» и брались за это дело, уже делало их исполнителями задания определенного класса, не говоря уже о том, что такие предприятия, как перевод на монгольский язык Ганджура и Данджура, явились мощным насосом для выкачивания средств из трудового аратства, шедших в пользу благочестивых ревнителей буддийской добродетели.

Следует, впрочем, заметить, что характеристика Ганджура и Данджура, как мертвых сокровищ, в корне ошибочна. Прежде всего, неправильным является утверждение, что значительное количество сочинений, вошедших в некоторые отделы Ганджура и Данджура, никогда и никем не читалось. Так, напр., большой популярностью пользовался даже такой отдел, как *Vīṇaya*, трактующий о правилах монашеской жизни, ибо он содержит множество художественных отрывков, из которых некоторые представляют собою своего рода уголовные романы. Особенно большим авторитетом пользовались многие медицинские трактаты, заключающиеся в Данджуре: методы лечения, рекомендуемые ими, считались среди широких кругов лечащихся особенно эффективными и предпочитались предписаниям даже таких известных руководств по медицине, как Джуд-ши. Говорить о том, что Ганджура и Данджура никто не читал, поэтому не приходится.

К мертвым сокровищам Ганджур и Данджур причислять нельзя и по той причине, что осуществление перевода их явилось крупным событием минувшей истории монгольской письменности и ее языка и всей истории монгольской культуры феодального периода, при этом, для своего времени, собы-



тием прогрессивным, хотя гипертрофия буддийской философской и религиозной литературы в дальнейшем обусловила собою одностороннее развитие монгольского языка и повлияла задерживающим образом на остальные отрасли монгольской литературы. Перевод Ганджура и Данджура потребовал проведения большой терминологической работы. Специально созданная в интересах осуществления его терминология в значительной части вошла в монгольский язык феодального периода. О переводе на монгольский язык Ганджура при Лигдан хане следует, кроме того, заметить, что это мероприятие вполне отвечало тем задачам, которые последовательно осуществлял Лигдан хан, являвшийся одним из ярчайших борцов за национальную независимость монголов. Перевод на монгольский язык Ганджура является одним из звеньев в борьбе Лигдана за независимость Монголии, ибо перевод религиозных сочинений и исполнения ритуалов на монгольский язык должен был ослабить религиозные связи Монголии с Тибетом, принявшие вскоре опасный для Монголии в политическом отношении характер, когда сговор манчжурских императоров с далай-ламой фактически решил вопрос о дальнейших судьбах Монголии. После этого становится совершенно ясным, что перевод Ганджура выполнял определенный социальный заказ, ибо осуществление его имело громадный политический смысл. Значение переводов Ганджура и Данджура поэтому очень велико, и литературовед мимо них пройти не может.

Так обстоит дело с Ганджуром и Данджуром. История центрально-азиатской культуры в данном случае, как и во всех других, ничего нам не объясняет и, наоборот, дело лишь запутывает. Только теория классовой борьбы поможет нам правильно разобраться в вопросе о том, какую роль выполняла, в частности, переводная литература и каково было ее значение в Монголии; и никакая «история центрально-азиатской культуры», ни пан-азиатская, ни пантуранская и т. д. ключа к правильному разрешению проблемы не дает и может служить лишь орудием империалистической политики тех, кто уже пытается начать «объединение» стран «центрально-азиатской культуры».

В самом деле, что такое центрально-азиатская культура? Существует ли Центральная Азия как экономическое целое? Существует ли она как некое единство в смысле своего общественного развития? Существует ли она как лингвистическое целое? На все эти вопросы мы отвечаем: «Нет», ибо в смысле своего общественного развития некоторые страны Центральной Азии стоят, правда, на ступени феодального развития, но феодализм этот всюду обладает своей спецификой и находится в разных

фазах своего развития. Следовательно, предпосылок для существования такой центрально-азиатской культуры нет. И если попытаться выяснить, что все-таки объединяет страны Центральной Азии — Синь-Цзян, Монголию, Тибет и т. д., то остается лишь буддизм. Следовательно, центрально-азиатская культура есть не что иное, как буддизм.

К вопросам, решаемым иногда в свете все той же «центрально-азиатской культуры», относится также проблема о взаимоотношении между монгольской литературой, с одной стороны, и многими монгольскими литературами — с другой. В свое время нами было отмечено, что единой монгольской литературы нет, что вместо таковой мы должны говорить о бурят-монгольской, ойратской, халха-монгольской и т. д., поскольку единой литературы у этих народов нет ни теперь, ни в прошлом, и что об единой монгольской литературе можно говорить, имея в виду лишь тот период, когда часть монгольских народностей была политически объединена в одно целое.<sup>1</sup>

Нами же было показано, что языковое единство монгольских литератур лишь очень относительное. Полное единство представляет собою лишь буддийская религиозная, философская и т. д. литература, отличающаяся единством содержания и языка, в то время как светские литературы монгольских народностей совсем не образуют единства. Полному единству буддийской литературы, отличающейся так называемым классическим языком, иначе говоря, языком специфическим и характерным только для ксилографических изданий буддийских сочинений, единству как со стороны содержания, так и со стороны языка противостоят ряд монгольских светских литератур, отличающихся друг от друга как по содержанию, так и по языку.

Вопрос о том, что представляет собою литература монгольских народностей, решается поэтому для разных периодов и в отношении светской и духовной литературы по-разному. И совершенно не соответствует истинному положению устарелый взгляд, что общая монгольская литература, за вычетом ойратской, должна трактоваться, как таковая, вплоть до конца XIX в. Центрально-азиатская культурно-историческая точка зрения и в данном случае оказывается порочной, и введение ее в монгольское литературоведение явилось бы именно препятствием на пути правильного решения проблемы.

Выше нами уже было указано, что стержень «центрально-азиатской культуры» образует буддизм.

<sup>1</sup> Проблемы бурят-монгольского литературоведения, стр. 14—15.

Буддизм шел, однако, в Монголию через Тибет, и понятно при таких условиях, что все наиболее значительное, что является проявлением этой «центрально-азиатской культуры» в Монголии, представляет собою именно тибетские ламайские элементы, в оценке роли которых мы не всегда сталкиваемся с полной объективностью. Говоря о том, что умственная культура феодальной Монголии имела свой центр тяжести в монастырях и что языком этой культуры был тибетский, иногда склонны переоценивать прогрессивное значение этой тибетско-буддийской культуры, результатом чего является неправильная, реакционная и враждебная трудовому аратству точка зрения, согласно которой наиболее ценным в истории культуры Монголии являются буддийско-ламские элементы, т. е. та самая ламайщина, которая на деле была реакционной силой, тянущей Монголию назад, ведшей к уничтожению всего национального, установившей свое мрачное господство в результате сговора манчжурских монархов с далай-ламой, против которой выступали лучшие носители национальной идеи феодальной Монголии, как, напр., Лигдан хан, и от которой Внешнюю Монголию раз и навсегда избавила Революция.

Таковы, как нам кажется, должны быть установки в отношении некоторых литературоведных проблем. Литературоведческая работа находится у нас еще только в первоначальном периоде своего развития, но она может быстро развиваться при условии, если она изберет правильные пути разрешения стоящих перед ней вопросов.

---